

АНТРОПОМОРФНЫЙ СИМВОЛИЗМ ДОМА В ПОГРЕБАЛЬНОЙ И ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ: ТЕЛО, ДУША, ЖЕРТВА (УКРАИНСКАЯ, БЕЛОРУССКАЯ, ЗАПАДНОРУССКАЯ И ПОЛЬСКАЯ ТРАДИЦИИ)

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА АНДРЮНИНА

(Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН:
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а)

***Аннотация.** Взаимосвязь микрокосма и макрокосма, жилища человека, его тела и души проявляет себя на разных уровнях традиционной культуры, в мифологических представлениях, в обрядности, в разных жанрах фольклора; имеет важное значение для реконструкции мифологических представлений, связанных с картиной мира и судьбами человеческих душ. В статье исследуется антропоморфный символизм дома в комплексе погребальной и поминальной обрядности, в котором последовательно разрабатываются идеи разрушения смертью «дома души» — тела, что далее реально и символически реализуется в разрушении жилища, мыслившегося как увеличенная реплика человеческого тела; а потом, по мере прохождения времени с момента смерти и завершения цикла обрядов погребения и личных поминок, происходит «восстановление» дома и космического порядка бытия, ранее нарушенного смертью. С другой стороны, возведение жилища часто символически оканчивалось с первой смертью в нем, в чем прослеживается преемственность со строительным жертвоприношением. Душа умершего приобретала «новое тело» — дом, могла становиться его хранителем — домовым, обеспечивая надежность и сохранность жилища и семьи. Для анализа этого фрагмента культуры привлечены данные Белорусского и Украинского Полесья, некоторых западнорусских (Брянская, Калужская, Смоленская) и белорусских (Минская, Могилевская — полевые записи автора) областей; также в компаративных целях использовались материалы, относящиеся к другим регионам.*

***Ключевые слова:** похороны, жертвоприношение, душа, домовый, тело, дом, смерть, строительство.*

Взаимодействие микрокосма и макрокосма проявляется себя на разных уровнях традиционной культуры: в мифологических представлениях и в обрядности, в разных жанрах фольклора. В данной статье пойдет речь о символической взаимосвязи жилища человека с его телом и душой на материале похоронно-поминальной обрядности. Выбор именно этого ритуального

комплекса для реконструкции мифологических представлений, связанных с картиной мира и судьбой души, не является случайным: именно в погребальной и поминальной обрядности последовательно разрабатываются идеи разрушения смертью «дома души» — тела, что далее реально и символически реализуется в разрушении жилища, мыслившегося как увеличен-

ная реплика человеческого тела; а потом, по мере прохождения времени с момента смерти и осуществления погребальных и поминальных обрядов, происходит «восстановление» дома и космического порядка бытия, ранее нарушенного смертью.

Для анализа этого фрагмента культуры привлечены данные Белорусского, Украинского и русского Полесья (Брянская и Калужская области), некоторых областей России и Белоруссии (Смоленская, Минская, Могилевская), также в компаративных целях использовались материалы, относящиеся к другим регионам.

Дом — тело. Семантическое сближение тела, дома и семьи широко представлено в традиционной культуре. Для номинации разных частей дома часто использовалась соматическая лексика. Например: *лоб, лобки, лобяк, залоб, залобник, залобок* ‘фронтон избы’, *очелина* ‘резная доска на фронте, крыше дома’ (рус.) [СРНГ 17, 93, 97, 98; СРНГ 10, 212; СРНГ 25, 61]; *чало* ‘фронтон’, *чубок* ‘верх крыши’ (бел.) [Лексіка гаворак]; *хребест* ‘верх соломенной крыши’ (укр. диал.), *череп избы* ‘потолок, крыша’ (макед.) [Кабакова 2012, 248]; *череповой* ‘верхний венец’, *усы* ‘затесанные концы верхнего бревна сруба’, *уши* ‘выемки в стропилах’, *чуб* ‘вид крыши’ (бел.) [Байбурун 1983, 89]; *подбшвы* ‘первый венец’ (укр. волын.) [ПА].

Представление о соотношенности дома и живущей в нем семьи, объединявшей и живых, и умерших ее членов ярко проявлялась в обычае ведения семейной хроники на покутных балках, приуроченном ко дню поминания *дедов* (с. Кленки Бельского повета, западная часть Гродзенщины)¹. В этот день в дом приглашался грамотный человек, который вел семейную хронику, существовавшую в форме надписей на потолочных балках в покутном углу хаты. Обычная надпись содержала имя и дату рождения, а также дату смерти, например: «Рдся. рб. Бж. Микола л. 1881. 20 іюл. + 1900. 5 март.» или: «Антон 1830. 10 мая + 1870. 2 авг.». Для еще живых родственников возле даты рождения оставляли пустой промежуток для вписания даты смерти. Каждый год в день памяти *дедов* делались новые записи, регистрирующие всех родившихся и умерших за прошедший год. Подобными глубоко вырезанными в дереве надписями

был занят весь красный угол старых домов. Следы этого обычая встречались также в Велижском повете, а по мнению ученых, в прошлом он был еще более широко распространен [ППГ, 168].

Изоморфизм тела человека — «жилища» его души — и дома мифологически и ритуально прослеживается на многих этапах погребальной и поминальной обрядности. Пророчащие смерть сны часто оперировали образами разрушения дома или разных его частей, что толковалось как предвестие кончины разным членам семьи. Если снилось, что разрушилась покуть (угол с иконами) или печная труба — ждали смерти хозяина и отца семейства (полес.); если развалилась печь — это к смерти матери, хозяйки [Конобродська 2007, 52–53].

Действия, предпринимаемые ради облегчения агонии человека, также реализовывали идею разрушения тела и жилища под воздействием смерти, их мифологический изоморфизм. Здесь мы затронем два типа ритуальных действий: *открывание* локусов, имеющих символику входов и выходов из дома, осуществляющих связь с окружающим миром, и намеренное нарушение оболочки дома — *проламывание* потолка, стен или полов.

В Гомельской области во время агонии должна быть открытой печная труба: «*Ўжэ комин открываеш, штоб було отчищено, то так вѣтер и шмогне у тот комин <душа>*» (Зап. от Соломеи Сазоновны Шур, 1896 г.р., с. Стодоличи, Лельчицкий р-н, Гомельская обл. Соб. С. П. Бушкевич. 1984 г.) [ПА] (см., например: [Андрюнина 2012]). Об отходе души говорили: «*Пташечка в'ілетела ў комин*» (укр. житомир.), «*ускочиў котик через окно*» (бел. брест.) [Конобродська 2007, 81]; «*Потом она умерла, знают, говорят, на окошко в'ілетела*» (Зап. в с. Тихманьга, Каргопольский р-н, Архангельская обл. Соб. Ю. В. Варламова. 1994 г.) [АЛФ]. В Польше для облегчения агонии открывали двери и окна «*aby dusza łatwiej ewentualnie prędzej wyszła z ciała*» (чтобы душа легче и по возможности быстрее вышла из тела) [КРАЕ, 52].

Особым случаем раскрытия пути для души было проламывание в потолке, в крыше, возле дымохода, в углу, особенно в *кутнем углу*, в полу, в стене

¹ Ныне территория Польши (Подлясье).

специального отверстия; срывание потолочных балок: «*Стену розбирають, двэри вчиняют*» (Зап. в с. Перга, Олевский р-н, Житомирская обл. Соб. Э.И. Иванчук. 1984 г.) [ПА]; «*Раньше, как не одні сўтки умраёт, раньше тёсовая крыша была, дак тесіну отдірали, чтобы быстрэе помер*» (Зап. в с. Тихманьга, Каргопольский р-н, Архангельская обл. Соб. Е.Е. Левкиевская, А.Б. Мороз. 1994 г.) [АЛФ]; чтобы облегчить агонию, срывали несколько досок с потолка и «*тлумачаць гэта тым, што душа не можа пакінуць хату, не можа выйсці з яе*» (бел.) [ППГ, 152]. В полесском селе Журба записан рассказ о том, что во время долгой агонии сама по себе разломилась потолочная балка: «*То она́ як умира́ла, ця жэньшчына, то когда-то як робы́ли хвартёри, так такий, о такий брус шьтыроо́хгранный черэзо всю лэжа́ў кварта́ру. То та́я ба́ба як умира́ла, так брус лопну́ў во тут о́коло пэ́чи. <...> А а́на́ ішые нэ мо́гла помэ́рты. То там сту́ллоу взы́лі до прорва́лы на пэ́чэ, аз тоды́ помэ́рла*» (Зап. в с. Журба, Овручский р-н, Житомирская обл. Соб. А.В. Гура. 1981 г.) [ПА].

Обычай разбирать верхнюю часть строения (крышу, потолок), чтобы облегчить агонию, известен и у неславянских народов; в Европе и Азии широко распространены верования, согласно которым душа умершего вылетает через печную трубу (отверстие для выхода дыма) либо через крышу. «Значение этого обычая очевидно: душа легче отделится от тела, если будет вскрыта часть дома, иного элемента образной триады “тело — космос — Дом” (курсив автора)» [Элиаде 1994, 109]. Подобные ритуальные действия нашли отражение и в древнерусских источниках: через пролом выносили тело умершего князя Владимира, разобранные доски крыши оказывались метафорой смерти. «Ночью же межю двема клѣтми проймавше помость обергѣвше в коверъ ѿ, ужи сѣвѣсиша на землю; възложше ѿ на сани, везше поставиша ѿ въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ» [ПВЛ, 58]; «<...> уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ» [Слово о полку, 23]. Присутствие обычаев разрушения оболочки дома в ситуации смерти у неславянских народов и закреплённость их

на синхронном уровне у славян за особой группой умерших (висельниками, колдунами) свидетельствует в пользу их архаики: в отличие от «чистых» умерших, похороны которых регламентировала Церковь, за «заложными»² остались другие, древние формы погребальной и поминальной обрядности (в том числе иные локусы погребения (не на кладбище, а в доме, в «природном» пространстве, в лесу возле дорог и др.), обычай бросания на их могилы палок и веток и пр.).

Потолок проламывают чаще всего во время агонии колдунов; это считается особо сильным средством, помогающим им умереть, обеспечивающим нечистым духам и душе «знающего» беспрепятственный путь наружу: «*Я знаю, что яны цяжка намираюць, значыць, над печью надо стóблю зарваць. С паталка. Шоб душа скарее вышла*» (Зап. от Нины Михайловны Кумагерчик, 1957 г.р., с. Пастовичи, Стародорожский р-н, Минская обл. Соб. М.А. Андриянина. 2010 г.) [ПМА]; «*Дак хто калдуе, дак як намирае, дак не можэт намэ́рци, так зрываюць паталок в хацэ. Тады ужэ это яго нечыстая сила выходіць ужэ туды*» (Зап. от Таисии Григорьевны Бородич, 1932 г.р., с. Тераполь, Слуцкий р-н, Минская обл. Соб. М.А. Андриянина. 2010 г.) [Там же]; «*Через двери он не может выйти, яго только нечистые вынесут в потолок*» (бел. Витебское Подвинье) [ТМКБ 2, 337]; «*Кóли калдуна́ — прокру́чывалы в потолоку́ дьіркь, шоб выліта́лы чо́рты з ево́*» (Зап. в с. Верхние Жары, Брагинский р-н, Гомельская обл. Соб. В.И. Харитоновна) [ПА]; «*Колдуна́м разбира́ють кры́шу чэ́рци*» (Туховичи, ляхович., брест.) [БФЭЛА]; «*Ну раньше это, знаешь, были колдуны. Когда он плохо умерал — открывали три потолкачины <...>, чтоб дух выходил*» (рус. смол.) [СМЭС 2, 14]. Считалось, что если выбить доску в потолке, то из колдуна/колдуньи выйдет нечистый дух (иногда в образе животного), который и не дает человеку умереть: «*Это то́ко колдуны. Выбиваютъ потоло́к. И яны делаютъ не поймёшь чим: ўстанеть, ковырнётъ кверху ногами и побежала. Собака, обыкновенная собака*» (рус. смол.) [Там же, 14–15]. Разрушение части крыши или потолка для облегчения агонии колдуна практиковалось

в восточной части Малопольши и в Нижней Силезии [КРАЕ, 52].

Некоторых покойников (чаще всего «нечистых») выносили из дома не дверями, а через пролом в стене, потолке, заборе, подкоп под порогом или нерегламентированный выход (окно или дымоход). В этой практике также реализуется идея разрушения дома посредством смерти. Повесившегося на чердаке вытаскивали из дома через отверстие в крыше (слуховое окно или дымоход), чтобы он не пугал людей (пшемьслыский пов.) [ZWAK 1889, 69]; повесившегося в доме выносили через лаз под порогом [Adamowski 1999, 115]; выносить висельника дверями остерегались и вытаскивали его через подкоп под порогом, иначе в хату ударит гром, околицу опустошит градобитье, в этом доме снова кто-нибудь повесится либо умерший будет приходить ночами и пугать [Fischer 1921, 355–356]. В Олонецкой губернии гроб выносили через забор или пролом, через разобранную стену или даже потолок [Байбурин 1993, 113].

Ситуация создания пролома в доме для обеспечения выхода наружу души умершего мифологизировалась в широко распространенных рассказах о смерти «нечистых» покойников. Души висельников, колдунов и пр. вырываются из тела в виде вихря или сильного ветра [Толстая 1999, 167], он срывает крыши домов, выворачивает с корнем деревья, уничтожает сады [Толстая 2008, 392]; при выносе из дома тела колдуна поднимается буря, которая ломает крышу, часть строения: «Як умрэ знáхор дак лёжи на по́кути. Вѣтир бушўе. Як з хáти <выносят покойника> — так снесé полови́ну хáти» (Зап. в с. Дяковичи, Житковичский р-н, Гомельская обл. 1983 г.) [ПА]; «А то тут як старóга вы́нясли з хáты (ен помѣр), то падняўся бы вѣхор, галлѣ на дрэвах зашумѣла, закрутіла. А стары́ займаўся знахóрствам, то ягó чѣрты праважа́ли» (Зап. в с. Велута, Лунинецкий р-н, Брестская обл. 1991 г.) [Там же]; «Уже як уно́сяць вѣдзьму с хаты, бу́ра вóзме, мо́же крышу зорва́ць; стяга́е крышу» (Зап. в с. Дяковичи, Житковичский р-н, Гомельская обл. Соб. А. М. Гамбарова. 1983 г.) [Там же].

В описанных действиях и представлениях отчетливо прослеживается изоморфизм дома и человеческого тела; разрушение одного из них (даже символическое,

как в приметах смерти) неминуемо ведет за собой разрушение другого. «Открыли, это, потольничину ей, да... путь ей открыли» (рус. смол.) [СМЭС 2, 14]. Ту же идею подчеркивает запрет на любое нарушение целостности дома в неурочное время, например, после завершения строительства. В уже готовом доме запрещено было прорубать окна и двери, это грозило смертью хозяину или другой большой потерей (Приангарье) [Кабакова 2004, 595].

Дом — душа. После смерти душа человека избирает себе временное пристанище, которым на некоторое время (3 дня, 9, 12, 30 дней (иногда у зап. слав.); чаще всего — 40 дней; 12 дней (зап. полес.), год) становится жилище умершего. Душа может находиться в нем постоянно либо отлучается время от времени. Присутствующая в доме душа может быть невидимой либо принимать облик различных живых существ: «Где какая муха пролятит, <говорят>: вот душа лятае. <...> Просто муха, матылёк <пролетит, говорят>: от душечка его летает» (Зап. в с. Хоробичи, Городнянский р-н, Черниговская обл. Соб. А. Б. Ключевский, О. А. Терновская. 1980 г.) [ПА].

Множество запретов, соблюдаемых в доме на протяжении всего цикла личных поминок, объясняется именно присутствием здесь души умершего. Двери и окна старались не запирают, чтобы не мешать душе свободно входить в жилище и выходить из него; задвижку печной трубы и *душник* (бел.) тоже оставляли открытыми. Во многих случаях в доме не убирались, так как с мусором можно выбросить из дома душу умершего, и она заберет с собой на «тот свет» живых; в Польше в доме будили всех спящих, чтобы находящаяся поблизости душа умершего не унесла за собой на «тот свет» еще кого-нибудь [Fischer 1921, 133]. Также воздерживались от печения хлеба и вообще запрещали топить печь, так как в ней может находиться душа [Biegeleisen 1930, 23–24]. Поляки не толкли и не мололи зерно на протяжении трех дней после смерти, чтобы не навредить душе, которая якобы сидит в ступе и ручной мельнице для помола зерна (и в самом зерне) [Świątek 1893, 134]. В Полесье в доме покойника запрещались некоторые хозяйственные работы: «Як мерѣц в до́ме — не сáляць сáло, не склáдываюць óвоци, покá не поховáюць» (Зап. от Екатерины Алексеевны Черногоуб, 1920 г., с. Боровое, Рокитновский

р-н, Ровенская обл. Соб. Т. А. Коновалова. 1984 г.) [ПА], запрещалось здороваться с проходящими и т.д.

В сороковой день, когда по мифологическим представлениям разрывались последние связи, соединявшие умершего с земным миром, душа покидала дом навсегда. *«Пóсле сóрок дней душá идé на небеса́. Са́мые гла́вные сорочы́ны, до сарочы́н душá ешчó в доме нахо́диця»* (Зап. от Варвары Наумовны Николаевич, 1922 г.р., с. Золотуха, Калинковичский р-н, Гомельская обл. Соб. В. А. Багрянцева. 1983 г.) [Там же]; *«Сорок ден. Сорок ден душа в хате, а мýнет сорок ден, душа иде у моги́лу»* (Зап. в с. Вышевичи, Радомышльский р-н, Житомирская обл. Соб. А. Б. Ключевский. 1981 г.) [Там же]; *«В сóрок дён, кажуть душá выхóдитъ з хаты»* (Зап. в с. Спорово, Березовский р-н, Брестская обл.) [БФЭЛА]. После ухода души умершего из жилища, завершения цикла личной поминальной обрядности все запреты снимались, в доме возобновлялись проведение некоторых обрядов семейного и календарного циклов; например, в доме уже разрешалось играть свадьбы, ходить в него колядовать (полес.) [ПА] и др.

Произошедшая в доме смерть, по некоторым данным, закрепляет статус строения как полноценного жилища. Только после этого события становится возможным проведение в доме полного цикла поминальной обрядности — справление календарных поминок, посвященных памяти не одного конкретного человека, а всех предков. После первой смерти в доме души умерших предков могут навещать свое жилище, а в новом доме, где еще никто не умер, *деды* (календарные поминки) не отмечали. «Крестьянин перестает праздновать “деды”, когда переходит жить на новое место — в дом, построенный на другом месте... но только до того времени, пока в этом доме не умрет кто-то из семьи. <...>» [Federowski 1897/1, 267]. В Белоруссии к поминальному столу приглашают *«усix памёршых у гэтай хаце»*. Вокруг стола с кушаньями обносят зажженную свечу и вспоминают сначала умерших в этом доме недавно, а после и всех остальных, приглашая их к столу [ППП, 164]; наряду со своими кровными предками хозяин поминал также всех, кто раньше жил на его земле (бел.) [Там

же, 163]. «Ведь в “деды” поминаются не души умерших родных, как можно подумать, а все души свояков, что в этой хате поумирали» [Federowski 1897/1, 267]. Подобные представления существовали и в Польше — там верили, что в недавно построенный дом души не приходят и поминальных приготовлений для них не делается [Kowalska-Lewicka 1985, 77].

Жертва. Как было показано выше, «законченный» статус жилище приобретает (и космогония оканчивается) посредством жертвы и смерти, что проявляется не только в разных аспектах и на разных этапах погребально-поминального комплекса, но и в других обрядах, в первую очередь строительном. Законченный, пригодный к жизни и крепкий дом, так же как и тело человека, должен иметь душу. Ею и могла стать строительная жертва, которая изменялась во времени от человеческой до животной, а позднее и символической (шерсть животного, зерно, деньги) [Байбурин 1983, 61–71]. «Чтобы “сооружении” (дом, храм, техническая постройка и т.п.) сохранилось надолго, оно должно быть одухотворено, т.е. должно получить одновременно и жизнь и душу. “Перемещение” души возможно лишь при принесении кровавой жертвы» [Элиаде 1994, 42]. *«Када-то, кажуть, дама́ строили, так што-то на́да палбжыты. А воны́ <строители> не панимáли; як настрóять, а ванó расы́пеца. Им сказа́ли: трэ́ба жыво́е што заму́рова́ты. <...> От, кажуть, чья жена пёрва прýде, тую жену́ заму́руём. <...> А на́да было птшицу пайма́ты, чи котá, а воны́ дураки бы́ли, не зна́ли»* (Зап. от Марии Максимовны Васцько, 1920 г.р., с. Барбаров, Мозырский р-н, Гомельская обл. Соб. Г. И. Трубицына. 1983 г.) [ПА]; *«Убира́ють врэ́мья, ложат хфундамент <строители знали время>. Да у нучь вазьмэ́ и упадэ́. Им <строителям> трэ́ба заму́рова́ты чи півня, чи ката»* (Зап. от Феклы Филипповны Серенок, 1910 г.р., с. Барбаров, Мозырский р-н, Гомельская обл. Соб. Г. И. Трубицына. 1983 г.) [Там же].

Необходимая для создания дома смерть могла выражаться в строительном жертвоприношении, либо ее роль исполняла скорая смерть одного из членов семьи в новом жилище, осмысливаемая как отсроченная жертва. При строительстве мастер «закладывает сволок» непременно

на чью-либо голову, человеческую или на животного. «Говорили так: Як майстри схочуть, так вони, кáжэ, залóжуть хату. На когó хóчуть: чи на хозáйна, чи на хозáйку, чи на йixних детáй, <после этого тот, на кого хата заложена, заболевает или даже умирает>» (Зап. в с. Нобель, Заречненский р-н, Ровенская обл. Соб. Г.И. Берестнев. 1984 г.) [Там же]. Если мастер недоволен хозяином, он трижды стучит обухом в «голову» сволока (его часть, обращенную к красному углу) и говорит: «Стукаю я сволок у голову, шоб стукало у голову хозяину, покы жызнé ёго симьы, и до свого вику шоб вин не дожив!» (укр.) [УНВ, 172]. «Когда заклáдывають подшивы этии <т. е. первый венец>, и пэрвый раз топором рубáють и подúмають в сáбэ: “Шоб егó нэ булó, шоб вин нэ був на свýйтэ — чи человек чи скотына...” Шось там такé есть. И пропадэ вин <тот человек или скотина>» (Зап. в с. Ветлы, Любешовский р-н, Волынская обл. Соб. Г.И. Берестнев. 1985 г.) [ПА]; «Если на котá заклáдають, то бúдуть коты здыхáть ў тый хáте. А заклáдывають на сэмьянiна, на чоловiка залóжэць хату» (Зап. от Евдокии Степановны Таранович, 1932 г.р., с. Ветлы, Любешовский р-н, Волынская обл. Соб. Г.И. Берестнев. 1985 г.) [Там же].

Именно по этой причине предпринимался ряд действий, чтобы избежать смерти кого-либо из домочадцев или перевести рок на голову животного. Для этого в некоторых локальных традициях при строительстве могли оставлять дом неоконченным на определенный срок: на юге Украины оставляли непобеленным небольшой кусочек стены над иконами, белорусы оставляли незаконченной стену или крышу, а русские целый год не закрывали крышу над сенями [Байбурин 1983, 92]. Поляки только через какое-то время после окончания строительства обмазывали глиной заднюю часть дома, причем не белой, а желтой или черной [Bystroñ 1917, 10].

Связь таких действий с задушными представлениями иллюстрируют подобные обычаи в рамках погребально-поминального комплекса. Например, в Полесье до сорока дней и года после смерти не белили или полностью не закрашивали при побелке печь и стены: «Як помрэ людýна, хату до сорокá дэнь зóвсим нэ бiляць, а до рóку бiляць хату

тiлькы шо кусóчок, одýн кутóчок шоб нэ билiвся. Кáжуть шо нiбы-то душá в хáти е» (Зап. в с. Забужье, Любомльский р-н, Волынская обл. Соб. С. Белозерова) [ПА]; «Як мрээ до рóку, оставляють на пэчы квартiрочку такúю малэнькую, нэ добiлюють. Кáжуть, вóчы залывáють мэрлым, як побiлюють зовсiм (Другие говорят, что в этом случае надо оставить небеленым кусочек “де не попáло”»)» (Зап. в с. Ветлы, Любешовский р-н, Волынская обл. Соб. О.А. Терновская. 1985 г.) [Там же]. В Белоруссии и в Полесье широко распространена следующая практика: до исполнения сорока дней или года с момента смерти при мытье полов в доме стараются не затрагивать произвольно избираемый участок пола: «На трэтий день всё, кады памыiли памóсты, всё, тольки аднú мéстинку не вытираюць памóсту цэлыи год. Эта цылыи год ешчэ душá хóдиць, наблюдáець, ци не забыли вы менé, я слéд аставил... <Соб.: А где это место?> Ци хóчэте вот примéнно, хоць кудá, хоць кудá аставляйцэ...» (Зап. от Марии Петровны Усик, 1930 г.р., с. Бараново, Стародорожский р-н, Минская обл. Соб. М.А. Андрунина. 2010 г.) [ПМА].

От скорой смерти в новом доме предохранялись и при переходе в него: существовали представления, что всякий, вошедший в новый дом первым, умрет в течение года, поэтому впереди всех впускали кота, символически заменяя им человеческую жертву (рус. владимир.) [Завойко 1914, 178]. В Полесье говорили: «Каб йон исдóх тот кот, а та сэмья жилá ў домú котá. Егó пускаюць ў хату, ёсли хату постáвлять, то онá обновiцца — смёрть абязáтельно должнá бiти» (Зап. в с. Золотуха, Калинковичский р-н, Гомельская обл. Соб. А.Е. Зайцев. 1983 г.) [ПА]. Сон о новоселье пророчил смерть: «Нóвый дом — к смёрти снiцца» (Зап. в с. Верхние Жары, Брагинский р-н, Гомельская обл. Соб. А.А. Астахова. 1984 г.) [Там же].

Дух — хозяин дома. По некоторым мифологическим представлениям первый умерший в новом доме мог получать особый статус — стать духом дома, домовым [Седакова 2004, 74]. Согласно другим представлениям, дух — хранитель дома, который бережет дом и хозяйство, предсказывает будущее, предостерегает от ошибок, получается из души любого умершего члена семьи, но чаще всего хозяина

или колдуна. «Вот умре <кто-то>, здаёцца — ў хатэ ходіць, гавораць — домовік. <...> Умьёр ў жинкі муж. Плакала дўже. Аж ей ў ночь пристановляецца, шо он прішеі хату управлять» (Зап. в с. Голубица, Петриковичский р-н, Гомельская обл.) [ПА]; «Эта абычна хазяин умираеь и всё аставлять, и есьли дабрасавесный был, гаварит, я буду намагать, и заганяьт, саварит, нигде начавать не будеть скатина <...> да, ето дабрасавесный хазяин. Прастой смертний этаго не сдеааеть» (Зап. от Александра Алексеича Журавлева, 1936 г.р., с. Теханичи, Костюковичский р-н, Могилевская обл. Соб. М. А. Андриянина. 2012 г.) [ПМА]. «Як чэлавёк умирае — дамавыім мэжэ, хазяином астаца, камандаваць, катэрыі чэлавёк панимае шось, знае — хазяином мэжэ астаца» (Зап. от Анны Яковлевны Голубевой, 1912 г.р., с. Присно, Ветковский р-н, Гомельская обл. Соб. М. Г. Боровская, Е. С. Зайцева. 1982 г.) [ПА]; «Мужтшына тшытае тшырны кнэжкы и рэбцыца дамавыком» (Зап. в с. Ковчин, Куликовский р-н, Черниговская обл. Соб. С. М. Гусакова. 1985 г.) [Там же].

С другой стороны, широко распространены поверья о том, что ушедшая из дома душа умершего хозяина может забрать с собой на «тот свет» и дом, представление о котором часто складывается из образа хозяйства в целом. В этом случае проводился обряд «оповещения дома, скота, сада и пр.» о смерти хозяина, чем символически достигался раздел доли живых и умершего, назначался новый, живой хозяин дома и имущества. При выносе из дома гроба кто-нибудь из родных произносил на пороге прощальную формулу от имени покойного: «*bqdź zdrowa cała rodzino, bo więcej nie będą tędy chodził*» (будьте здоровы, все родные, больше здесь не буду ходить) [КРАЕ, 123]. В Полесье и в Польше родственники умершего стучали в двери хлебов, в стойла; поднимали на ноги скот, выгоняли его на подворье; стучали в ульи и слегка сдвигали их с места, трясли в саду каждое плодородное дерево и устно сообщали о смерти их хозяина: «*Мэртвэца вывёзят з хаты — одчыняють хлёва <...> шоб нэ извэлось хазяйство*» (Зап. в с. Полесское, Полесский р-н, Киевская обл. 1981 г.) [ПА]; «*Oznajmiam wam smutną nowinę, wasz gospodarz (gospodyni) pożegnał się z tym światem i odszedł do Boga. Amen*» (Сообщаю

вам печальную новость, ваш хозяин (хозяйка) распрощался с этим светом и отошел к Богу. Аминь) (пол. силез.) [Simonides 1988, 134]. Если этого не сделать, то «*zwierze pójdzie za swym właścicielem*» (животные пойдут за своим господином), «*cała praca zmarłego pójdzie na marne*» (весь труд умершего пропадет зря), пчелы «*połecą na grób gospodarza*» (полетят на могилу хозяина) (Радом. пол.) [КРАЕ, 119]. Таким образом, зеркальные сюжеты об *остающемся* в доме духе хозяина, хранящем после смерти свою семью и имущество и *уходящей* душе, забирающей всё с собой, показывают общность лежащих в их основе мифологических представлений о родстве и нераздельности души и дома, а также всего, причисляемого к нему (семья, усадьба, скот).

К разряду «домовых», «домашних хранителей», старых «предков», по некоторым данным, могли причисляться люди, похороненные в доме [Логинов 1993, 171; Байбурын 1983, 168]. Обычай хоронить умерших на территории дома и усадьбы кое-где сохранялся до недавнего времени, а по сообщениям информантов, в прошлом был широко распространен. Например, в с. Линово (Путивльского р-на Сумской обл.) обычай домашнего погребения сохранялся вплоть до конца XX в. Умерших родственников хоронили в саду, во дворе или на огороде. Среди подобных захоронений преимущественно были могилы маленьких детей, реже — детей 6–7-летнего возраста, а иногда взрослых членов семьи и стариков (в ситуации, если они завещали такой способ погребения) [Толстые 2003, 10–13]. «Давным-давно старых ховали в садку на городі, а дітей перед крильцем дома. Богато було таких, що у себя ховали» (Перекоповка, ромен., сум.) [Кабакова 1994, 313].

Чаще всего в Полесье похороны на территории дома и усадьбы закреплялись за некрещеными детьми, в редких случаях — за висельниками и утопленниками, то есть именно за той группой умерших, в отношении которой применялись наиболее архаические приемы погребальной и поминальной обрядности. «*Никряшённых дятэй на пагосьти ни харонють. У хати ямачьку пад святымі вырують, там харонють*» (Зап. в с. Доброводье, Севский р-н, Брянская обл. 1984 г.) [ПА]; «*Найбольше ховалы пэрэд порогом, шоп пэрэкрышчывлы их*» (Зап. от Ганны Кондратьевны Череды, 1905 г.р., с. Олбин,

Козелецкий р-н, Черниговская обл. Соб. А. М. Гамбарова. 1985 г.) [Там же].

Для похорон в доме (чаще всего детей) избирались места под иконами (под *святым, красным углом*), под печью, в сенях, под порогом. Пространство в углах дома (особенно в покутном), под печью и порогом устойчивую связь с душами предков во всем цикле похоронно-поминальной обрядности. Например, горшок, из которого обмывали умершего хозяина, оставляли на покути, чтобы в доме не переводился домовый (рус.) [Байбурин 1983, 152]. «Хозяин да хозяйюшка живет в углу или за занавесками, везде. <...> Дом охраняет. Кто жил тут — можа душа чья-то, отец, мать, да вот братья» (Зап. в с. Тихманьга, Каргопольский р-н, Архангельская обл. Соб. Ю. В. Варламова, М. Е. Шульгина. 1994 г.) [АЛФ].

Практика захоронения умерших под порогами приводила к тому, что данный локус считался местом пребывания их душ и требовал особых правил поведения. В Польше долго сохранялась вера в то, что под порогами изб живут души умерших [Biegeleisen 1929, 131]; на Мазовше старались не выливать воду около дверей или на порог, из опасения облить одного из находящихся под порогом духов, который за это может отомстить [Там же]. Широко распространен запрет рубить дрова на пороге, чтобы не навредить живущим там домашним духам-охранителям [Плотникова 2009, 176].

Заключение. Представленный в статье материал иллюстрирует полный цикл мифологических представлений, связанных с восприятием тела, души и дома в традиционной славянской культуре. Жилой дом уподобляется телу человека, является его увеличенной копией, а также олицетворением единства семьи, чей распад со смертью одного из ее членов наглядно отражается в символическом и реальном разрушении жилища. Изоморфизм тела и жилища проявляется в ряде представлений и ритуальных действий (например, облегчение агонии): уничтожение одного влечет за собой распад другого. После смерти дом

становится временным прибежищем души умершего, которая лишь с прошествием времени покидает его и уходит в другое обиталище.

С другой стороны, идея обитания разлученной с телом души в некотором пространстве (дом), в предметах (камни, одежда умершего³ и пр.) актуализирует представление о том, что «свободная» душа нуждается во вместилище, которому по вселении придает новые свойства, некоторую «интеллектуальность», что проявляется в бытовом плане в долговечности, устойчивости, «жизнеспособности» этих предметов. Эта идея получает свое ритуальное воплощение в практике строительного жертвоприношения, которое как раз и делает дом законченным, крепким и пригодным к жизни. На основе этого получает толкование ряд и других магических приемов, призванных обеспечить долговечность строений и пр., в целом сводящихся к принесению жертвы, дух которой должен получить новую среду обитания, «жилище», «тело», и, «населить» его, придать особую защиту и стойкость этому предмету или пространству. В конечном итоге дом, тело и душа вновь сходятся в одном пространстве в случае погребения умершего на территории дома и усадьбы, приобретающей таким образом духа — хранителя места.

В осмыслении данного мифологического персонажа также можно отметить фактор «добровольности». Полноценный хозяин места, приносящий блага своим потомкам и хозяйству, получается из *добровольно* ставшего домовым предка: «Применно у меня умирала бабушка, <...> детачки, я буду вам прихадить, памагаць буду, так что не валнуйтесь, я вам всегда памагу. <Соб.: И помогала?> Ну канешно, всё памагла, и карова усегда прихадила дамой, и овцы прихадили, усё» (Зап. от Александра Алексеевича Журавлева, 1936 г.р., с. Теханичи, Костюковичский р-н, Могилевская обл. Соб. М. А. Андриунина. 2012 г.) [ПМА]. Духи же строительной жертвы, принесенной *без согласия*, хоть и обеспечивают долговечность

³ Например, на чердаке дома вешали одежду умершего, которая иногда могла восприниматься как субститут его тела и временное вместилище души. В случае перехода дома к новому хозяину эту одежду не снимали, а оставляли на месте до ее полного истления (рус., урал.) [Чагин 1993, 50], точно так же поступали в Белоруссии: «На гóру вешали. <Соб.: И сколько она (одежда покойника) висит?> Покуль само не спортицца» (Зап. от Михаила Яковлевича Лапуцьки, 1938 г.р., с. Прусы, Стародорожский р-н, Минская обл. Соб. А. М. Андриунина. 2010 г.) [ПМА].

и крепость строения, все же часто бывают опасными и вредоносными для живых, могут напугать, напасть, задушить (см.: [Левкиевская 1999, 156]). Они соотносятся в акциональном плане с такими персонажами, как скарбник (дух — хранитель клада), а в конечном итоге с душами *насильственно* умерщвленных людей, находящихся на месте своей гибели, но уже становящихся в полной мере демоническими персонажами: «Там лес быў густый и убіліэтага чалавэка. И пахаранілі еб. <...> Калі чую, кажэ, мбжэ часбў ў двенаціць <...> Изразу крычала и пátом плачэ и плачэ. <...> А пátом, кажэ, бўраю такою <понесло>. Лес трашчыць, залóмить» (Зап. в с. Барбаров, Мозырский р-н, Гомельская обл. Соб. А. В. Гура. 1983 г.) [ПА].

Неразрывность связи хозяина дома (живого и мертвого) со своим домом и всем хозяйством прослеживается в ряде мифологических представлений и обрядности: *оставшаяся* в доме душа хозяина следит за всем хозяйством и обеспечивает процветание, *уходящая* душа может забрать с собой на тот свет все имущество, и благосостояние семьи рассыплется, а противопоставление *живой — мертвой* в данном контексте снимается в поверьях о том, что домовый часто принимает облик живого хозяина дома (сев. рус.) [КГ, 96].

Также на материале комплекса похоронно-поминальной обрядности проявляется

«порядок исторического наследования» архаических обрядов и представлений: универсальные для всех в прошлом, в контексте православия они оказываются закрепленными за той группой умерших, которая вынесена за пределы влияния церкви («нечистые» покойники), что делает связанный с ними мифологический дискурс ценным и надежным источником сведений для реконструкции древнейших состояний мифологии и обрядности, а также правил ее изменения на протяжении времени.

Изоморфизм тела, дома и космоса является одним из древнейших и универсальных представлений мировой культуры, которое находит очень широкую реализацию в ритуале и мифе, в том числе в этиологических представлениях (например, творение мира из тела божества: Пуруша в индийской мифологии, Имир в скандинавской, Пань-гу в китайской, Тиамат в вавилонской, богиня земли Тлальтекутли у тольтеков и пр.) [Мелетинский 1991, 510; Кинжалов 1991, 519]. Таким образом, мир свертывается до человека и развертывается из него, что в нашем случае еще раз было подтверждено на материале похоронной и поминальной обрядности. Причем «каждый из этих равнозначных образов — Космос, дом, человеческое тело — является или по крайней мере способен стать “воротами” высшего порядка, делающими возможным переход в иной мир» [Элиаде 1994, 109].

Источники и материалы

АЛФ — Архив лаборатории фольклористики РГГУ, Москва.

БФЭЛА — Архив белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа (рукопись, Минск).

Завойко 1914 — Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. Вып. № 3–4.

Кабакова 1994 — Кабакова Г. И. Дети, умершие до крещения // Проблемы сучасної ареалогії. Київ, 1994. С. 312–317.

КГ — Круглый год. Русский земледельческий календарь / Сост., вступ. ст. и прим. в тексте А. Ф. Некрыловой. М., 1991.

Лексіка гаворак — Лексіка гаворак беларускага прыпяцкага Палесся: Атлас. Слоўнік / Рэд. Клімчук Ф. Д. и др. Мінск, 2008.

ПА — Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Москва.

ПВЛ — Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.

ПМА — Полевые материалы М. А. Андруниной.

ППГ — Пахаванні, памінкі, галашэнні / Гал. рэд. А. С. Фядосік. Мінск, 1986.

Слово о полку — Ироическая пѣснь о походе на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарчїе. М., 1800.

СМЭС 2 — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / Отв. ред. О. А. Пашина, М. А. Енговатова. М., 2003.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Сост. Ф. П. Филин. М.; Л., 1965–, 1–.

ТМКБ 2 — Традиційная мастацкая культура беларусаў. Т. 2. Віцебскае Падзвінне. Мінск, 2004.

- Толстые 2003 — *Толстая С. М., Толстая М. Н.* Погребения в саду у «горюнов» Сумской области // *Живая старина*. 2003. № 2. С. 10–13.
- УНВ — Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991.
- Bystroń 1917 — *Bystroń J. S.* Zakładziny domów. Rozprawy Wydziału hist.-filoz. Akad. Um., 1917. T. LX.
- Federowski 1897 — *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. T. 1: Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Łidy i Sokółki. Kraków, 1897.
- КРАЕ — Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego. T. 5. Zwyczaj, obrzędy i wierzenia pogrzebowe / Pod red. naukową J. Bohdanowicza. Wrocław, 1999.
- Świętek 1893 — *Świętek J.* Lud nadrabski od Gdowa po Bochnię. Obraz etnograficzny. Kraków, 1893.
- ZWAK — Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. T. 1–18. Kraków, 1877–1895.
- Исследования**
- Андрюнина 2012 — *Андрюнина М. А.* Труба печная // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*: В 5 т. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. С. 325–329.
- Байбурин 1983 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
- Зеленин 1994 — *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994.
- Кабакова 2004 — *Кабакова Г. И.* Открытый — закрытый // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*: В 5 т. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004. С. 594–597.
- Кабакова 2012 — *Кабакова Г. И.* Тело // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*: В 5 т. Т. 5. С (Сказка) — Я (Ящерица) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. С. 247–251.
- Кинжалов 1991 — *Кинжалов Р. В.* Индейцев центральной Америки мифология // *Мифы народов мира*. Т. 1. М., 1991. С. 516–522.
- Конобродська 2007 — *Конобродська В.* Польський поховальний і поминальний обряди // *Етнолінгвістичні студії*. Т. 1. Житомир, 2007.
- Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Души локусов // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*: В 5 т. Т. 2. Д — К (Крошки). / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. 155–157.
- Логинов 1993 — *Логинов К. К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
- Мелетинский 1991 — *Мелетинский Е. М.* Имир // *Мифы народов мира*. Т. 1. М., 1991. С. 510.
- Плотникова 2009 — *Плотникова А. А.* Порог // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*: В 5 т. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2009. С. 173–178.
- Седакова 2004 — *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.
- Толстая 1999 — *Толстая С. М.* Душа // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*: В 5 т. Т. 2. Д — К (Крошки) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. С. 162–167.
- Толстая 2008 — *Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
- Чагин 1993 — *Чагин Г. Н.* Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX в. Пермь, 1993.
- Элиаде 1994 — *Элиаде М.* Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М., 1994.
- Adamowski 1999 — *Adamowski J.* Kategoria przestrzeni w folklorze. Studium etnolingwistyczne. Lublin, 1999.
- Biegeleisen 1929 — *Biegeleisen H.* U kolebki. Przed ołtarzem. Nad mogiłą. Lwów, 1929.
- Biegeleisen 1930 — *Biegeleisen H.* Śmierć w obrzędach, zwyczajach i wierzeniach ludu polskiego. Warszawa, 1930.
- Fischer 1921 — *Fischer A.* Zwyczaj pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921.
- Kowalska-Lewicka 1983 — *Kowalska-Lewicka A.* Wierzenia i zwyczaje związane ze śmiercią // *Studia z kultury ludowej Beskidu Sądeckiego*, Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź, 1983. S. 53–89.
- Simonides 1988 — *Simonides D.* Od kolebki do grobu. Śląskie wierzenia, zwyczaje i obrzędy rodzinne w XIX wieku. Opole, 1988.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрюнина М. А. <https://orcid.org/0000-0002-8312-7319>

Кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (495) 938-08-51; e-mail: mary-andr@mail.ru

ANTHROPOMORPHIC SYMBOLISM OF HOUSE IN FUNERAL AND REMEMBRANCE RITES: THE BODY, THE SOUL AND THE SACRIFICE (UKRANIAN, BELORUSIAN, WESTERN-RUSSIAN AND POLISH TRADITIONS)

MARIA A. ANDRYUNINA

(N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences:
32a, Leninskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation)

Summary. *The article discusses anthropomorphic symbolism of house in different stages of Slavic funeral and obit rites and corresponding mythology. In fact, the house and its inhabitant's body and soul construct an integral system, which reflects the concept of living place for human soul. Correspondingly the destruction of one member of this integrity causes the annihilation of the other. Indeed, ritual practices during agony and funerals are underlying these notions: in order to sooth pain of an agonizing person the upper layer of house was broken. Universally doors and windows were opened, holes were made in roof and ceiling in order to facilitate advent of the death into the house and flying of the soul outward. Dead cadavers in coffins were often brought outside through such casual openings. Ancient practice pertaining all people in past remains nowadays related only to unholy dead, outlaws for Church — suicidal, witches etc. After the death of a family member the house is considered to be still broken, its sacred boundaries are annihilated, it can be haunted by the unsettled soul of dead which makes it dangerous for the living.*

Later on and after accomplishing necessary obit rituals and customs the soul gradually departs from house into otherworld, funeral taboos are retracted and the house turns to be a safe "guarded" locus again. The pair "body / house" is actualized for beliefs and practices connected with house construction. Newly built house is considered to be still incomplete until the first death within it occurs. That's why a lot of actions take place to delay the finish of building process, in order to prevent inevitable death or substitute the sacrificed victim by an animal or a symbol. The soul of first departed one transfers into building as its keeper, providing its solidity, strength and wellbeing. Such a mystical keeper originates from the sacrifice performed during house construction or from the person buried in the confines of estate according own personal wish. In this practice the last stage of this house / body / soul metaphor is present as the loose human soul regains new body in form of the house and transforms to be its keeper which sometimes is believed to take appearance of the latest or even living house owner.

Key words: funeral, obit, sacrifice, soul, house, death, house construction, body, genius loci.

References

- Adamowski J.** (1999) Kategoria przestrzeni w folklorze. Studium etnolingwistyczne [Category of space in folklore. Ethnolinguistic study]. Lublin. In Polish.
- Andryunina M. A.** (2012) Truba pechnaya [Stove chimney]. In: Slavyanskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'. In 5 vol. Vol. 5. Moscow. Pp. 325–329. In Russian.
- Bayburin A. K.** (1983) Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in rites and notions of the Eastern Slavs]. Leningrad. In Russian
- Bayburin A. K.** (1993) Ritual v traditsionnoy kul'ture [Ritual in traditional culture]. St. Petersburg. In Russian.
- Biegeleisen H. U.** (1929) U kolebki. Przed oltarzem. Nad mogiłą [Over the cradle. By the altar. Over the grave]. Lviv. In Polish.
- Biegeleisen H.** (1930) Śmierć w obrzędach, zwyczajach i wierzeniach ludu polskiego [Death in rites, customs and beliefs of Polish people]. Warsaw. In Polish.
- Bystroń J. S.** (1917) Zakładziny domów [House establishment]. *Rozprawy Wydziału hist.-filoz. Akad. Um.* [Proceedings of historical-philosophical dep. of the Polish Academy of sciences]. 1917. Vol. LX. In Polish.
- Chagin G. N.** (1993) Mirovozzrenie i traditsionnaya obryadnost' russkikh krest'yan Srednego Urala v seredine XIX — nachale XX v [World view and traditional culture of Russian peasants from middle Urals in the mid-19th — the early 20th centuries]. Perm. In Russian.
- Eliade M.** (1994) Svyashchennoe i mirskoe [Sacred and secular]. Moscow. In Russian. Transl. from French.

- Fischer A.** (1921) Zwyczajy pogrzebowe ludu polskiego [Funeral customs of Polish people]. Lviv. In Polish.
- Kabakova G.I.** (1994) Dety, umershye do kreshhenyja [Children, who died before baptizing]. *Problemy suchasnoi' arealogii'* [Problems of contemporary archeology]. Kyiv. Pp. 312–317. In Russian.
- Kabakova G.I.** (2004) Otkrytyy — zakrytyy [Open — closed]. In: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'*. In 5 vol. Vol. 3. Moscow. Pp. 594–597. In Russian.
- Kabakova G.I.** (2012) Telo [Body] In: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'*. In 5 vol. Vol. 5. Moscow. Pp. 247–251. In Russian.
- Kinzhalo V. V.** (1991) Indeytsev tsentral'noy Ameriki mifologiya [Mythology of Central America Indians]. In: *Mify narodov mira* [Myths of world nations]. Vol. 1. Pp. 516–522. In Russian.
- Konobrods'ka V.** (2007) Polis'kij pohoval'nij i pominal'ni obryadi [Polesye funeral and obit rites]. In: *Etnolingvistichni studii* [Ethnolinguistic studies]. Vol. 1. Zhitomir. In Ukrainian.
- Kowalska-Lewicka A.** (1983) Wierzenia i zwyczaje związane ze śmiercią [Beliefs and customs concerning death]. In: *Studia z kultury ludowej Beskidu Sądeckiego* [Folk culture study of Sudeetes Beskids Mountains]. Wrocław — Warsaw — Krakow — Gdańsk — Łódź. Pp. 53–89. In Polish
- Levkievskaya E. E.** (1999) Duhi lokusov [Genii Loci]. In: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'*. In 5 vol. Vol. 2. Moscow. Pp. 155–157. In Russian.
- Loginov K. K.** (1993) Semeynye obryady i verovaniya russkikh Zaonezhya [Family rites and beliefs of Trans-Onego Russians]. Petrozavodsk. In Russian.
- Meletinskiy E. M.** (1991) Imir [Imir]. In: *Mify narodov mira* [Myths of world nations]. Vol. 1. Moscow. P. 510. In Russian.
- Plotnikova A. A.** (2009) Porog [Threshold]. In: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'*. In 5 vol. Vol. 4. Moscow. Pp. 173–178. In Russian.
- Sedakova O. A.** (2004) Poehtika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan [Rite Poetics. Funeral ceremonial of Eastern and Southern Slavs]. Moscow. In Russian.
- Simonides D.** (1988) Od kolebki do grobu. Śląskie wierzenia, zwyczaje i obrzędy rodzinne w XIX wieku [From cradle to grave. Silesian birth beliefs, customs and rites in the 19th century]. Opole. In Polish.
- Tolstaya S. M.** (1999) Dusha [Soul]. In: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'*. In 5 vol. Vol. 2. Moscow. Pp. 162–167. In Russian.
- Tolstaya S. M.** (2008) Prostranstvo slova. Leksičeskaya semantika v obshch斯拉vianskoj perspektive [Space of World. Lexical semantics in pan-Slavic perspective]. Moscow. In Russian.
- Tolstaya S. M., Tolstaya M. N.** (2003) Pogrebeniya v sadu u «goryunov» Sumskoy oblasti [Sepulture in the garden among Goryuns of Sumy region]. *Zhivaya starina* [Alive Antiquity]. 2003. No. 2. Pp. 10–13. In Russian.
- Zelenin D. K.** (1994) Izbrannyye trudy. Stat'i po dukhovnoy kul'ture 1901–1913 [Selected Works. Papers on spiritual culture 1901–1913]. Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Andryunina M. A. <https://orcid.org/0000-0002-8312-7319>

E-mail: mary-andr@mail.ru

Tel.: +7 (495) 938-08-51

32a, Leninskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation

PhD (Philology), researcher, N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,

Russian Academy of Sciences
